

О. В. Кудрявцев

АХАЙЯ В СИСТЕМЕ РИМСКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Римское господство сыграло по отношению к Ахайе несколько иную роль, чем по отношению к большинству других провинций¹. Если в большинстве покоренных Римом стран римское владычество в известной степени способствовало развитию производительных сил, распространению и развитию рабовладельческого способа производства, то в Ахайе дело обстояло иначе. По своему общественному строю, развитию рабовладения, по своим классовым противоречиям Эллада отличалась от Италии не столько степенью развития, сколько масштабами. Рабовладельческий строй еще до начала империи исчерпал в Элладе возможности своего развития. Поэтому экономическое оживление Средиземноморья в первые два столетия империи лишь отчасти и неглубоко затронуло Ахайю. Римское владычество не в коей мере не могло способствовать ее экономическому прогрессу. Напротив, поддерживая олигархов и обеспечивая их господство над низшими слоями населения, римское владычество дало полный простор растущей концентрации земельной собственности, которая раньше время от времени приостанавливалась вследствие демократических переворотов и переделов земли; тем самым римское господство вело к углублению общего упадка Эллады. Тяжелые налоги и «добровольные» взносы (см., например, SIG³, II, 832), непосильные для обедневших ахейских городов, также способствовали этому. Народные массы Эллады находились в период империи в тяжелом положении: разорение, нищета, голод, гнет долговых обязательств — таковы были характерные черты их повседневной жизни. Иное дело — местная эллинская аристократия; после прекращения гражданских войн I в. до н. э. положение ее в известных отношениях значительно улучшилось: римское владычество гарантировало ее от возможных демократических переворотов и междоусобных войн, а политическое положение эллинской знати постепенно все более и более приближалось к положению знати италийской, происходило образование общемперской рабовладельческой аристократии. Ввиду этого в Ахайе в период империи не было сепаратистских движений, тем более, что ахейская знать была слишком слаба, чтобы попытаться образовать самостоятельное государство.

Римское владычество в Ахайе опиралось в первую очередь на определенным образом организованную администрацию провинции². В период

¹ О значении римского господства для Ахайи ср. А. Б. Р а н о в и ч, Восточные провинции Римской империи в I—III вв., 1949, стр. 220 слл.

² История управления Ахайей разработана много лучше, чем другие стороны жизни этой провинции. Подробный разбор ее дается, в частности, в замечательной монографии С. А. Ж е б е л е в а, АХАЙКА, 1903. Ср. также А. Б. Р а н о в и ч, ВП, 221 сл.

республики до образования провинции Ахайи территория Эллады была обычно подчинена проконсулу Македонии. Ею управлял легат проконсула, который начальствовал над совокупностью эллинских государств, отдельных полисов (Афины, Спарта и т. д.) или городских союзов (Ахейский, Беотийский, Фессалийский союзы и т. д.), подчиненных Риму. Во время экстраординарных полномочий Помпея над Элладой начальствовал его легат Сисенна. Нет необходимости добавлять, что в период республики процессы о вымогательствах сопровождали деятельность едва ли не каждого промагистрата после окончания срока его полномочий в провинции (Cic., *Orr.*, XXXII, 43; XXXVII, 16; *Plut.*, *Caes.*, 4); города и области Эллады подвергались безудержному опустошению и ограблению¹.

С установлением империи была создана особая провинция Ахайя.

Таково было положение Ахайи в системе имперской администрации, но по своему внутреннему политическому устройству она отнюдь не представляла собой какого-либо единства.

По своему статусу в системе Римской империи города Ахайи сильно отличались друг от друга. Наименее распространенным в Элладе типом были «союзные» города; к их числу в пределах Ахайи принадлежали, повидимому, только Афины (*Tac.*, *Ann.*, II, 53), Эпидавр и Трезен. Несколько городов — в частности Коринф, куда колония была выведена еще Цезарем диктатором, Мегары(?), Патры, Дима — имели статус римских колоний², но в целом римские города привилегированного типа, муниципии и колонии, распространялись в провинции довольно медленно. Тому было несколько причин. Ахайя не была пограничной провинцией, и на ее территории никогда не стояли значительные военные силы, поэтому она не представляла удобства для широкой военной колонизации. Провинция находилась в состоянии глубокого экономического упадка, поэтому ее территория не была благоприятна для основания новых торгово-ремесленных центров, какими обычно бывали наиболее крупные из римских колоний и муниципиев. Распространение муниципиев и колоний было неразрывно связано с романизацией, которая в восточных провинциях распространялась лишь эпизодически, поскольку она здесь заменялась эллинизацией, выполнявшей в Восточном Средиземноморье аналогичные функции, содействуя экстенсивному развитию рабовладельческого строя. Тем более на Ахайю, которая была метрополией эллинизма, романизация оказала лишь незначительное влияние. Малое количество колоний в Ахайе имело определенные следствия. Римские колонии, несмотря на то, что основание их обычно сопровождалось экспроприацией местного населения, а в дальнейшем их граждане в той или иной форме эксплуатировали местных жителей, способствовали экономическому оживлению стран, в которых они возникали. Недаром в Ахайе едва ли не наиболее значительными экономическими центрами были Коринф и Патры. В целом, однако, колоний в Ахайе было немного, и это было одной из причин того, что эта провинция была почти незатронута тем экономическим подъемом, который был характерен для большинства провинций империи в первые два века н. э. С другой стороны, римской культуре было трудно конкурировать с эллинской в метрополии эллинизма, и это также препятствовало распространению в Ахайе римских колоний. В свою очередь малочисленность колоний была причиной слабой романизации Эллады. Таким образом, незначительное количество римских городов привилегированного типа в Элладе было неразрывно связано с общим характером страны.

¹ Cic., *Orr.*, XXXVII, 40.

² См. *Larsen*, *Roman Greece*, *ESAR*, IV, 1938, стр. 446.

Из остальных городов Ахайи наиболее значительные принадлежали к числу так называемых свободных общин¹. Всего в эллинских провинциях Балканского полуострова, в Ахайе вместе с Македонией, было около 20 свободных общин². Этот термин возник еще во время римских завоеваний и первоначально обозначал, что получившие его города наделяются внутренней автономией и освобождаются от налогов в пользу Рима. Однако впоследствии, во времена Помпея, эти права были оставлены лишь за теми общинами, которые помимо «свободы» были наделены специально еще и иммунитетом. В период империи «свобода» и иммунитет продолжали оставаться раздельными³. Таким образом, большинство «свободных» общин перестали быть таковыми даже теоретически, поскольку речь шла о разорительных взносах в пользу державного города, не говоря уже о постоянном вмешательстве римской администрации во внутренние дела городов. Аристократия эллинских городов мало тревожилась об этом, поскольку римская власть помогала ей удерживать в повиновении народные массы (Plut., Praes. ger. reip., 32, стр. 824 с—d).

Что же касается остальных, второстепенных и третьестепенных, полисов Ахайи, то они принадлежали к числу городов peregrinского статуса, всецело подчинялись распоряжениям римской администрации и несли на своих плечах бремя поголовного и поземельного трибута, не говоря уже о всякого рода других обязательных и «добровольных» взносах (SIG³, II, 800; 832). Элевтерия и анейфория, предоставленные Нероном всей провинции в целом, были явлением беспрецедентным (II, 814). В период республики и в первые десятилетия империи к правительственному гнету добавлялись еще вымогательства наместников, и право привлекать их к суду было для эллинских полисов (а выступали в судах именно полисы; Plut., Caes., 4) плохим утешением.

В отличие от городов латинского запада эллинские полисы еще довольно сильно различались между собой по своему устройству⁴. Вместо сравнительно однообразных муниципальных законов Запада во многих городах Эллады продолжали существовать старые, исторически сложившиеся,

¹ Civitates liberae, ἐλευθεροὶ πόλεις (IG, II—III², 3, 1, 4215; см. стр. 88).

² См. Larsen, ESAR, IV, 446—449. К их числу в Ахайе принадлежали: Абы, Амфисса, Дельфы, Миноя, Мотона, Паллантий, Платей, Спарта, Танагра, Теснии, Эгина, Элатея (?).

³ SIG³, II, 814; ср. Dig., L, 15, 8, где перечисляются отдельные колонии и города италийского права. На основании этого свидетельства Павла можно заключить, что наделение города статусом колонии далеко не всегда означало освобождение от податей (L, 15, 8, 5: «divus Antoninus Antiochenses colonos fecit salvis tributis», «божественный Антонин сделал гражданами колонии антихийцев, сохранив трибуты»). Из другого места (L, 15, 8, 7) видно, что наделение города статусом колонии могло повлечь за собой лишь отмену tributum capitis, но не tributum soli; последнее отменялось лишь италийским правом, обладание которым в разбираемом отрывке (L, 15, 8, нач.) отождествляется, повидимому, с иммунитетом. Таким образом, данное место, хотя и косвенным путем, подтверждает высказанное выше положение о раздельности libertas и immunitas для civitates liberae.

⁴ А. Б. Р а н о в и ч, ВП, 225—226, говоря о полном искоренении партикуляризма, которое «завершила тяжелая рука Рима», несколько преувеличивает степень нивелировки отдельных областей и полисов Эллады под римской властью. Хотя сам по себе процесс нивелировки, без сомнения, имел место в этот период, однако более или менее полное устранение различий между отдельными полисами Эллады и окончательное превращение эллинов в «ромеев» было достигнуто лишь тогда, когда полис перестал быть основной общественной единицей, когда умирающая рабовладельческая цивилизация античного мира настолько прониклась элементами нарождающегося феодального строя, что уже готова была уступить место ранне-феодальной Византии. Но в таком случае приходится говорить уже не о нивелирующем влиянии римского владычества, а о смене одного общественного строя другим, которая, несомненно, должна была окончательно разрушить многовековую автаркию отдельных областей и полисов Эллады.

неписанные конституции, хотя нужно заметить, что в юридических памятниках и они, повидимому, покрывались термином «муниципальный закон»¹. Наиболее типичными органами управления эллинских полисов не только в Ахайе, но и повсюду, где они существовали, были буле и народное собрание, своими корнями уходившие в глубь первобытно-общинного строя. Формула «буле и демос» постоянно встречается в надписях II в. как в Ахайе, так и за ее пределами (например, CIG, III, стр. 1120, № 4224g = VA, III, 1, 1236). В зависимости от размеров совета, от способа его пополнения и степени влияния на городское управление, строй города был олигархическим или демократическим.

Провинцией Ахайей обычно управляли сенаторы преторского ранга. На это указывает *cursus honorum* различных проконсулов Ахайи. Гай Асиний Квадрат именуется в олимпийской надписи² *ἀνδραγατός* и *ἑπάχτης ἀποβεδεγμένος* (*consul designatus*), а это указывает, что в момент ахейского проконсульства он еще не достиг консульства. Еще более показателен пример Гая Кесония Макра Руфиниана. Последний между претурой и консульством был легатом провинции Азии, куратором республики аскуланов, легатом легиона VII Claudia, проконсулом провинции Ахайи, куратором республики тарракиненсов, *legatus Augusti pro praetore* провинции Луситании, куратором республики теаненсов (CIL, XIV, 3900). Случаи, когда проконсулами Ахайи становились консулары, являются исключениями. Тем не менее, наместники Ахайи носили звание проконсулов³. Из отдельных проконсулов Ахайи времени Антонинов следует упомянуть в первую очередь известного своим столкновением с Геродом Секста Квинктилия Кондиана, наместничество которого относится к середине правления Антонина Пия⁴, а также, быть может, Гая Кесония Макра Руфиниана, управлявшего Ахайей не ранее Коммода и, может быть, позже⁵. Основной сферой деятельности наместника, помимо отправления право-

¹ Dig., I, 4, 11, 1—2: *etsi lege municipali caveatur, ut praeferantur in honoribus certae conditione homines: attamen sciendum est hoc esse observandum si idonei sint: et ita rescripto divi Marci continetur quotiens penuria est eorum, qui magistratum suscipiunt, immunitas ad aliquid infringitur, sicuti divi fratres rescripserunt*, «хотя муниципальным законом предписывается, чтобы в соискании почестей предпочитались люди определенного положения, однако же должно знать, что это должно наблюдаться, если они были бы пригодны; это подтверждается рескриптом божественного Марка. Всякий же раз, когда окажется недостаток тех, которые берут magistraturu, иммунитет в каком-либо отношении нарушается, как предписали в рескрипте божественные братья». Все это место из «Дигест» имеет смысл, в первую очередь, в том случае, если законодатель имел в виду города со старыми, сложившимися независимо от Рима порядками и сословными ограничениями.

² D i t t e n b e r g e r, *Inscripfien aus Olympia*, AZ, XXXVIII, 1880, стр. 55, № 342.

³ Г а с., *Ann.*, I, 76; CIL, III, 1, 551 (сп. 2, стр. 985, к № 551) = IG, II—III², 3, 1, 4126; CIL, X, 1, 4750; XI, 2, 1, 4182; XIV, 3900; VA, II, 58; CIG, III, 4011; IG, II—III², 3, 1, 4196; 4238; AZ, XXXVIII, 55, № 342; Δόλλιγκ. Ἐπιγραφαὶ ἐκ τῶν περὶ τῆν Ἀκρόπολιν ἀνασκαφῶν, ΔΑ, V, 1889, стр. 133, № 14; Dig., XXXVI, 1, 83 (81). К проконсулу Ахайи, вероятно, относится и надпись D i t t e n b e r g e r, *Inscripfien aus Olympia*, AZ, XXXVII, 1879, стр. 134, № 263 (видимо, не тождествен с упоминаемым IG, II—III², 3, 1, 4238).

⁴ О нем и о его брате Сексте Квинктилии Валерии Максиме, который был его легатом, P h i l., *VS*, II, 1, 25; CIL, XIV, 2609; см. О. В. Кудрявцев, *Герод Аттик и социальная борьба в Афинах*, ВДИ, 1951, № 3 (37), стр. 72.

⁵ CIL, XIV, 3900: «[Ca]io Caesonio C[ai] f[ilio] Quir[ina] Macro Rufiniano... proco[n]sul[is] prov[inc]ia[e] Africae... proco[n]sul[is] prov[inc]ia[e] Achaiae leg[ato] leg[ion]is VII Claud[ia]e cur[ator]i r[eci] p[ublic]ae Asculan[orum] leg[ato] prov[inc]ia[e] Asiae pr[ae]t[or]i leg[ato] prov[inc]ia[e] Baetic[ae] trib[un]o pleb[is] quaestori prov[inc]ia[e] Narbon[ensis] trib[un]o leg[ion]is I Adiutric[is] donato donis militarib[us] a divo Marco...», «К[а]о Кесонию, К[а]й[с]ыну, из Квиринской трибы, Макру Руфиниану... проко[н]сулу провинции Африки, проко[н]сулу провинции Ахайи, легату легиона VII Клавдиева, куратору рес[п]ублики аскуланов, легату провинции Азии, пр[е]тору, легату провинции Бетик[и], трибуну пл[ебса], кве-

судия, был надзор за финансами «свободных» городов, для чего рядом с наместником назначались и специальные должностные лица (см. ниже стр. 87—89). Экономический упадок, в котором находилась Ахайя в период империи, особенно осложнял эту задачу. Поэтому правительство весьма ценило людей, знакомых с местными условиями, и потому нередко одни и те же лица бывали проконсулами и корректорами, хотя, разумеется, не одновременно¹.

Иногда тяжелое состояние полисов эллинской метрополии требовало от императорского правительства экстраординарных мер, например, временного перевода Ахайи в число императорских провинций. Первый случай подобного рода имел место при Тиберии (Тас., Ann., I, 76), когда Гай Поппей Сабин был одно время императорским легатом Месии, Македонии и Ахайи (I, 76; VI, 39; Dio, LVIII, 25, 4). В качестве мотивировки перевода Ахайи и Македонии в число императорских провинций Тацит указывает угнетающее их бремя налогов (Ann., I, 76); очевидно, положение провинций, находившихся непосредственно под контролем императора, было значительно легче, — там была более упорядочена система налогов, менее чувствовался произвол наместников, которые еще не успели полностью отвыкнуть от порядков, господствовавших при республике (намек на это, а также упоминания отдельных процессов о вымогательствах встречаются у Тацита), а вместе с тем правительство могло более гибко регулировать размеры налогового бремени, падавшего на провинцию². Порядок, установленный Тиберием, просуществовал на протяжении всего его правления, правления Гая и был отменен в 44 г., когда Клавдий «провинции Ахайю и Македонию, которые Тиберий поручил своей заботе, вернул сенату» (Suet., Claud., 25). В свете сказанного о реформе, произведенной Тиберием, следует рассматривать и аналогичное мероприятие Нерона, важнейшим источником для суждения о котором является надпись из Акрефии, сохранившая коринфскую речь Нерона. Правда, современникам и самому Нерону его мероприятие представлялось чем-то беспрецедентным: Нерон подчеркивал, что он дает эллинам не только свободу, но и анейсфорию, чего они раньше никогда не имели (SIG³, II, 814, 9—36; действительно, реформа Тиберия предусматривала лишь уменьшение, а не полное снятие налогов). На деле освобождение Эллады свелось, видимо, к уничтожению сенатской администрации и к предоставлению ее городам свободы во внутренней и в весьма ограниченной степени во внешней (по отношению друг к другу) политике. Со всем тем общий надзор за Элладой какого-либо должностного лица из имперской администрации или даже проконсула Македонии, как во времена республики, нисколько не противоречил бы широковещательным заявлениям Нерона. Однако и такое положение оказалось неудобным для императорского правительства, и Веспасиан восстановил сенатскую провинцию Ахайю (Suet., Vesp., 8, 6).

Случаи перехода Ахайи в ведение императора имели место и во II в.,

сторону провинции Нарбон[ской], трибу[ну] лег[иона] I Адьютрик[и], одаренному военным[и] дарами божественным Марком...». Итак, Руфиниан получил военные дары от императора Марка в качестве трибуна легиона I Adiutrix и в промежутки между военным трибуналом и наместничеством в Ахайе был квестором Нарбонской провинции, трибуном плебса, легатом Беттики, претором, легатом Азии, куратором Аскула, легатом легиона VII Claudia. Позднее, после консульства, которое имело место, вероятно, в конце II в. и начале III в., он был комитом Севера Александра. Все это вряд ли позволяет отнести наместничество Руфиниана в Ахайе ко времени раньше Коммода. Что касается до упоминаемого в PIR, I⁴, 220, проконсула Ахайи Аврунка, то он таковым не является, так как вместо «Ἐλευθερίας τῶ ἀρχόντι ἢ ἀρχιερεί» (IG, II—III², 1, 2, 1349) теперь читается «Ἐλευθερίας τῶ ἀρχόντι ἢ ἀρχιερεί».

¹ Таков был, например, Гней Клавдий Леонтик (см. стр. 88), называемый в аттической надписи своего внука (ΔΑ, V, 133, № 14) проконсулом, очевидно, Ахайи.

² К реформе Тиберия, возможно, относится надпись SIG³, II, 796 A, B, 7—15, которая представлялась ранее загадочной (А. Б. Ранович, ВП, 224).

хотя выявление их представляет более значительные трудности по состоянию источников. Для этого необходимо обратиться к надписям, в которых упоминаются легаты провинции Ахайи. Далеко не все надписи этого рода, по видимому, следует относить к легатам проконсула. Правда, для некоторых случаев отождествление упомянутых легатов с легатами проконсула несомненно. Так, будущий император Марк Дидий Север Юлиан определенно называется легатом проконсулов Ахайи и Африки (CIL, VI, 1, 1401). Равным образом, Секст Квинктилий Валерий Максим, называемый легатом Ахайи (XIV, 2609), был, без сомнения, легатом проконсула, поскольку известно, что он управлял Ахайей вместе с братом (см. О. В. Кудрявцев, ВДИ, 1951, № 3 (37), стр. 72). Наконец, некий Клавдиан, «лега[т про]претор провинций Ахайи и Ази[и]»¹, также, по всей вероятности, был легатом проконсула, что можно заключить, во-первых, по аналогии с Дидием Юлианом, и, во-вторых, потому, что неизвестно, чтобы Азия, участие в жеребьевке проконсулата которой было одной из важнейших привилегий бывших консулов, была когда-либо императорской провинцией. Однако, с другой стороны, Луция Эмилия Юнка, обозначающая должность которого, сохранившееся в греческой надписи², весьма необычно для Ахайи, следует, по видимому, считать императорским легатом, а Ахайю этого времени (незадолго до 127 г., когда Юнк был консулом-суффектом) — императорской провинцией³. На это же указывает титул Гая Авидия Нигрина, сохранившийся в надписи времени Траяна⁴. Все это позволяет допустить случаи временного перехода Ахайи в число императорских провинций. А если это так, то необходима большая осторожность в определении полномочий, упоминаемых в надписях легатов Ахайи. В таком случае должности Публия Алф[ния] (или Алф[ена]) Прима⁵, Публия Корнелия Феликса Итала⁶, Гая

¹ Benndorf, Niemann, Reisen in Lykien und Karien..., 1884, стр. 92, № 76: «...πρὸς βεβαίωτης ἀντιστρατηγὸς ἐπ' ἀρχαίων Ἀχαιῶν καὶ Ἀσσι[ας...]». Поскольку Клавдиан именуется далее легатом легиона II Траяна, то необходимо предположить, или что легион этот находился в это время вне Египта (префекты — не легаты — египетских легионов всегда бывали всадниками), или что надпись относится ко времени после Элагабала, когда всаднические и сенаторские должности перестали строго различаться (ср. CIL, VI, 1, 3839).

² CIG, I, 1346: «δικαιδοτής».

³ Слово δικαιδοτής обычно соответствует латинскому iuridicus. Borghesi (Oeuvres complètes... Oeuvres épigraphiques, III, 1869, стр. 70) считал сперва упомянутого Юнка легатом проконсула Ахайи, позднее же (стр. 71) — самостоятельным наместником или даже корректором. К этому последнему мнению присоединяется Dittenberger (De titulis Atticis ad res Romanas spectantibus, EE, 1872, стр. 247 сл.), называющий Юнка легатом, посланным для надзора за свободными городами Ахайи. Mommsen, Römisches Staatsrecht (Marquardt, Mommsen, Handbuch der römischen Alterthümer, II, 2, 1887, стр. 858, прим. 2), указывая, что должностные лица, назначаемые ad corrigendum statum liberarum civitatum, имели административные, а не судебные функции (которые предполагаются термином δικαιδοτής), полагает, что Юнк был legatus Augusti pro praetore провинции Ахайи; о Юнке см. также PIR, I², стр. 55—56. Действительно, термин δικαιδοτής, предполагающий как будто самостоятельные полномочия, вряд ли можно относить к легату проконсула. В таком случае приходится признать, что Ахайя была в это время императорской провинцией. Кроме того, некий Юнк, возможно, римский магистрат, упоминается в надписи IG, II—III², 3, 1, 3194, стк. 4; 20.

⁴ CIL, III, 1, 567 = CIG, I, 1711 = SIG³, II, 827; ср. Groag, PIR, I², 285—287. Наиболее вероятно предполагать временный переход Ахайи к императору, быть может, вследствие деятельности Максима (Plin., Epp., VIII, 24), как думает Longden (Nerva and Trajan, CAH, XI, 1936, стр. 220), и считать Нигрина обыкновенным императорским legatus pro praetore. Mommsen (CIL, III, 1, стр. 107), однако считал его легатом, посланным для устройства или улучшения состояния свободных общин Ахайи.

⁵ Dittenberger, Inschriften aus Olympia, AZ, XXXV, 1877, стр. 37, № 38. По мнению Klebs'a, PIR, I¹, 51 (также Groag, PIR, I², 87), легат проконсула.

⁶ CIL, XI, 1, 377: «leg[at]o prov[incia]e Achaiae». Судя по тому, что далее Итал именуется юридином Фламинии и Умбри, он жил не ранее Марка.

Моккония Вера¹, некоего Муммия² оказываются не вполне определенными. Правда, наиболее вероятно считать их легатами проконсула, поскольку периоды императорского управления Ахайей были эпизодическими и кратковременными, но известную вероятность того, что они могли быть и императорскими легатами, не следует упускать из виду. Из перечисленных легатов Ахайи определенно ко времени Антонинов относятся Дидий Юлиан и Секст Квинтилий Валерий Максим, известный вместе с братом как противник Герода Аттика (Phil., VS, II, 1, 24—25).

Третьей должностью в сенатской администрации провинции Ахайи была должность квесторов³. Из отдельных квесторов Ахайи времени Антонинов следует упомянуть: во-первых, видимо, Гая Юлия Скапулу, квестора императора Антонина Пия⁴, затем определено Тиберия Клавдия Фронтин Никерата, поставившего вместе с братом в 164 г. императору Веру мессенскую надпись⁵, Тиберия Клавдия Телемаха (Bennd., Niem., 67, № 42), бывшего консулом-суффектом, видимо, в конце II в. и, следовательно, квестором Ахайи при Антонинах, Гая Клавдия Титиана, который был, если его родственник Клавдий Демострат идентичен противнику Герода Аттика, квестором Ахайи также при Антонинах (BCH, VI, 436), и, наконец, быть может, Гнея Паприя Элиана Эмилиана Тускулла, бывшего квестором Ахайи (CIL, II, 2075) при Антонинах, если он идентичен Гнею Паприю Элиану, ординарному консулу 184 г., или ранее, если его отождествить с Гнеем Паприем Элианом, легатом Дакии в 132—133 гг. и Британнии в 146 г.⁶ Любопытно отметить, что один из этих квесторов, Гай Клавдий Титиан, происходил, по видимому, из Афин, а другой, Тиберий Клавдий Фронтин Никерат, — по матери из Мессении⁷. Отправление сенаторами своих должностей в своей родной провинции было распространено

¹ CIL, VI, 1, 1463: «C[ai]o Mocconio C[ai]i f[ilio] Fab[ia] Ver[o] praetori, legato pr[o] praetore] provinciae Achaiae t[ribuno plebis]...». Впрочем, в данном случае более вероятно предполагать, что Мокконий Вер был легатом проконсула, поскольку эту должность он занимал между трибунатом и претурой.

² IG, II—III², 3, 1, 4170: «[— — —] Μ[ουμμίου] [— — —] ο υἱὸν [πρεσ]βευτήν»; относится, видимо, к началу I в. н. э. К нему же, видимо, относится сильно поврежденная надпись из Олимпии (Dittenberger, Inschriften aus Olympia, AZ, XXXIV, 1876, стр. 53—56, № 12: «Μ[ουμμίου] Γαίου υἱ[ου].....πρεσβευτήν»).

³ Например, CIL, II, 2075; 4117; X, 1, 1122; XIV, 3595; CIG, I, 1133; 1327; Foucart, Inscriptions d'Eleusis, BCH, VI, 1882, стр. 436; Bennd., Niem., 67, № 42. Кроме того, именно квесторы Ахайи должны упоминаться: CIL, VI, 1, 1428 (восстановлено Penzen'ом лучше, чем у Borgh., ук. соч., V, стр. 339); CIL, VI, 1, 3831; VIII, suppl., 2, 1, 8269; BE, 1872, стр. 242, № 7 = IG, II—III², 3, 1, 4212. Полным званием квестора было quaestor pro praetore provinciae Achaiae: CIL, X, 1, 1122: «qua[estori] pro praet[ore]»; XIV, 3595 (по весьма вероятному дополнению); CIG, I, 1133: «ταμίαν κα: ἐπιστρατηγῶν ἐπαρχείας Ἀχαΐας»; I, 1327: то же.

⁴ BE, 1872, стр. 242, № 7 = IG, II—III², 3, 1, 4212: «Γ[αίον] Π[ρ]οῦλον Γα[ίου] υἱόν] Σκαπύλου...»; что Скапула был квестором Антонина, устанавливается из контекста надписи, квестором Ахайи — из ее местонахождения (Афины).

⁵ CIL, III, 1, 495 (см. ниже). Для датировки важны следующие строки: «im[peratori] Π ponti[fici] max[imo] trib[unicia] pot[estate] III co[n]s[ul]i II proco[n]s[ul]i... имп[ератору] во II [раз], понти[фику] вел[ичайшему], при IV триб[унской] власти». κο[n]σ[ουλ]υ во II [раз], проко[n]с[улу]».

⁶ PIR, III¹, 11. Характер начертания надписи CIL, II, 2075, также указывает на время Антонинов.

⁷ См. стр. 90. На примере Тиберия Клавдия Фронтин Никерата и его родственников весьма удобно наблюдать сращение местной и римской аристократии, соединившие местные почетные должности и римских магистратур в руках одной семьи. Два брата, мессенцы по женской линии, поставившие в 164 г. в Мессене надпись императору Веру (CIL, III, 1, 495: см. выше, а также стр. 90; надпись найдена в Мавромате, древней Мессене). Тиберий Клавдий Сетида Келиан и Тиберий Клавдий Фронтин Никерат были: один — пожизненным архиевром эллинов и элладархом (CIG, I, 1318 = VA, II, 1, 319; см. стр. 90), а другой — квестором провинции Ахайи (CIL, X, 1, 1122; CIG, I, 1133; 1327; см. выше).

довольно широко, хотя императорское правительство и вело с ним борьбу, особенно со времени восстания Авидия Кассия.

Наряду с сенатской и осуществляемой сенаторами администрацией в Ахайе существовала и императорская всадническая администрация, представленная прокураторами¹. Последние представляли интересы императора в Ахайе, хотя императорских имений здесь не было. Судя по именам, императорские прокураторы происходили, по большей части, из эллинов². Центром римского управления был Коринф: отсюда дошел ряд надписей представителей римской администрации³.

Что касается непосредственных интересов римского правительства в Ахайе и приемов эксплуатации этой провинции, то эта последняя осуществлялась в основном при помощи податного обложения (ср. А. Б. Ранович, ВП, 220 сл.). В провинции не было императорских салтусов, и потому для правительства была закрыта возможность прямой эксплуатации непосредственных производителей. В Ахайе существовали те же общеимперские налоги, что и в других провинциях, в первую очередь, поголовный и поземельный. Подати, причитавшиеся фиску, нередко фигурируют в надписях (например, SIG³, II, 800). С каким-то поземельным налогом, возможно, связан хорошо известный список 89 аттических земельных владений; предположение, что это был алиментарный взнос⁴, нельзя считать определенно доказанным⁵. Кроме прямых налогов, существовали и косвенные, как и всегда падавшие основной тяжестью на беднейшую часть населения. Наконец, весьма характерным для периода империи приемом эксплуатации населения были литургии, затрагивавшие, напротив, в первую очередь, наиболее богатых, что, разумеется, не мешало этим последним тем или иным путем перекладывать бремя расходов, связанных с литургиями, на плечи эксплуатируемых классов. Впрочем, следует заметить, что по сравнению с другими провинциями, например, с Египтом, литургии были распространены в Ахайе сравнительно слабо. Помимо налогов и служб, установленных в обязательном порядке, существовали еще различные «добровольные» взносы, тем более обременительные, что от них никто не освобождался именно в силу их «добровольности»; примером подобных взносов может служить так называемое «коронное золото», вносившееся при достижении власти каждым новым императором (например, SIG³, II, 832).

Под гнетом налогового бремени находилось почти все население Ахайи. «Свобода» еще со времен Помпея не избавляла от налогов. Что «свобода» и иммунитет были раздельны, видно из «Дигест», коринфской речи Нерона и особенно из выступления по этому поводу Эпаминонда из Акрефии (см. выше, стр. 81). Как это происходило на самом деле, показывает сообщение Страбона (VIII, 5, 5, 365) о Спарте, которая, будучи свободна, ограничивалась выполнением «дружеских литургий». От подобных «дружеских» литургий и «дружеских» взносов не был избавлен никто. На тяжесть налогового бремени в обычное время, во всяком случае по отношению к ресурсам провинции Ахайи, указывает и то, что нередко ахейские города бывали не в силах удовлетворить запросы правительства и должны были обра-

¹ CIL, III, 1, 535; suppl., 1, 7271; CIG, I, 1078 (исправлена IG, VII, 92): из Мегар; CIG, I, 1329: из Спарты.

² CIL, III, 1, 535: Авр[елий] Дионисий; CIG, I, 1078: Аврелий Гимен[ей] («Αὐρήλιον Ὑμεναίων»); в надписи ΥΜΕΝΝΟΝ; Воескh: MEMMION; Dittenberger: ΥΜΕΝΑΙΟΝ; I, 1329; Аврелий Эпидифор [ср. Perrot, Note sur la situation de Synnada (Lue devant l'Académie des inscriptions, le 10 mars 1876), RA, N. S., XVII, 31, 1876, стр. 200].

³ Например, CIL, III, 1, 535; suppl., 1, 7241.

⁴ Mommsen, Athenische Stiftungsurkunde, «Herm.», V, 1871, стр. 129 слл.

⁵ Day, An Economic History of Athens under Roman Domination, 1942, стр. 224.

паться либо к помощи местных эвергетов, либо к самому императорскому правительству с просьбой об облегчении лежащего на них бремени (SIG³, II, 832).

Налоговое бремя, лежащее на городах провинции, требовало особого внимания римского правительства к городским финансам. Уже в последнее столетие республики римские правители вмешивались в вопросы муниципального бюджета (Cic., ad fam., III, 8, 4; ad Att., VI, 1, 15); к концу I в. н. э. этот порядок показался недостаточно эффективным, и правительство начало искать особых приемов разрешения назревшего вопроса. На рубеже I и II вв. появляется институт городских кураторов, кураторов республик или кураторов общин, как они именовались в официальной терминологии. Возникновение этой новой должности относят обычно ко времени Нервы¹, однако ее полное развитие произошло при Траяне, причем первоначально на территории Италии. Отсюда новая система быстро распространяется по империи. Полномочия кураторов сильно способствовали укреплению имперской централизации и, в конечном счете, преследовали эту цель²: введение должности кураторов было важным шагом на пути к бюрократизации государственного аппарата империи. К середине II в. назначение для надзора за городами или группами городов куратора, который выступает как представитель принцепса, становится обычным явлением (например, ILS, II, 1, 6725). Куратор принадлежит к аппарату имперской администрации, осуществляет императорское вмешательство в не подчиненные непосредственно принцепсу сферы управления; поэтому наибольшее развитие системы относится к Италии и сенатским провинциям; в императорских провинциях она сравнительно редка. Поэтому же кураторы из сенаторского сословия постепенно заменяются всадниками³, подобно тому как при последних Антонинах, при Марке и Коммодe, сенаторские

¹ Dig., XLIII, 24, 3, 4 (Ulp.). Существует, однако, надпись, в которой упоминается *curator coloniarum et municipiorum* и которая допускает предположение, что городские кураторы появились еще при Домитиане — CIL, III, suppl., 1, 6818. Датировка надписи определяется тем, что Соспит получил наместничество в Малой Азии после участия в свебской и сарматской экспедиции. Это позволяет отнести надпись ко времени Веспасиана, Домитиана или Антонина Пия (CIL, X, 1, 135; EIL, I, 4589; Та с., Hist., I, 2; Dio, LXVII, 5, 2). Наиболее вероятной представляется датировка надписи временем Домитиана, так как при Антонине Пии сомнительно соединение стольких земель, сколько перечислено в надписи Соспита, под властью одного наместника. К тому же при этом императоре Южная Ликаония и Исаврия были отделены от Галатии и присоединены к Киликии. Отсутствие упоминания Каппадокии не позволяет отнести надпись ко времени Веспасиана и отожествить упомянутую в надписи группу провинций с так называемым каппадокийским комплексом. Этот комплекс был создан при Веспасиане и продолжал существовать вплоть до Домитиана, когда он был разделен на Галатию и Каппадокию, причем северо-восток отошел к Галатии и только при Траяне был опять присоединен к Каппадокии (Mommson, Auctarium additamentorum ad corporis vol. III, EE, V, 1884, № 1345). С событиями времени Домитиана связывает эту надпись и Boissacain. Cassii Dionis Cosseiani historiarum Romanarum quae supersunt, III, 1901, стр. 179.

² Longden, САН, XI, 220, напрасно полагает, что опасные в смысле роста патернализма последствия широких полномочий кураторов не предвиделись с самого начала. Наоборот, организованное императорское вмешательство в жизнь свободных городов и было целью, которую преследовало учреждение должности кураторов. Трудно предположить, чтобы императорское правительство дало широкие полномочия кураторам лишь по недомыслию: их можно объяснить только сознательным стремлением к бюрократизации управления. Неправ, однако, и А. Б. Ранович, VII, 20, полагающий, что с появлением института кураторов исчез даже призрак городского самоуправления.

³ Наблюдение это, на основании африканского материала, сделано Н. А. Машкинским. В провинции Ахайе лица, осуществлявшие надзор за всеми свободными общинами провинции, происходили обычно из сенаторского сословия, даже при Северах, тогда как кураторами отдельных городов могли быть и всадники.

легаты нередко заменялись прокураторами, действовавшими в качестве временных заместителей. Целью назначения кураторов был контроль над городскими финансами; они должны были предупреждать города от впадения в долги благодаря излишнему строительству или муниципальной коррупции, которая процветала во многих эллинических полисах. Степень вмешательства куратора в городские дела первоначально была невелика и на первых порах нередко ограничивалась неофициальными рекомендациями; однако постепенно для городского сената и магистратов стало невозможным решать что-либо без ведома куратора (например, ILS, II, 1, 5918a). Рост государственного вмешательства во все области жизни населения империи составляет характерную черту развития ее во II в. Поэтому введение должности кураторов стоит в связи с такими явлениями, как замена вольноотпущенников всадниками в системе императорской администрации, как неоднократные случаи временной передачи сенатских провинций императору, в целом, с огосударствлением личной администрации императора и бюрократизацией государственного аппарата империи. О значении городских кураторов в системе бюрократического аппарата империи говорит хотя бы то обстоятельство, что Ульпиан посвятил им специальный трактат «О должности куратора республики» (Dig., XXII, 1, 33). Кроме обыкновенных кураторов, были еще *curatores kalendarii*, осуществлявшие уже не общий надзор над городом, а наблюдавшие за одной специальной отраслью городского управления, которая, таким образом, как бы совершенно изымалась из ведения муниципальных властей; они также назначались императорами и появились уже при Траяне¹.

Города Ахайи были одни из первых, которые потребовали вмешательства императорской администрации. Обезлюдившие и обедневшие, они с большим трудом, чем города других провинций, сводили концы с концами и находились в более тяжелом материальном положении. Еще до того, как Плиний отправился в Вифинию, его друг Терентий Максим был послан в Ахайю «для устроения состояния свободных общин» (Plin., *Ерр.*, VIII, 24) провинции. Его полномочия были, повидимому, шире, чем надзор за городскими финансами, но его экстраординарное положение напоминает то, в котором позднее находились корректоры Ахайи. Такой же случай имел место и при Адриане, хотя на этот раз функции императорского легата были более специализованы². И позднее вплоть до Северов в Ахайю назначались должностные лица, носившие звание кураторов и корректоров и осуществлявшие контроль над свободными полисами провинции в целом; они происходили обычно из сенаторского сословия³.

¹ ILS, II, 1, 5502. Термин *curator* на эллиническом Востоке передавался обычно термином *λογοτάχης*, термин же *corrector*, который обыкновенно применялся к лицам, надзиравшим за целыми группами городов (например, в некоторых областях Италии, где корректоры позднее обратились в обыкновенных заместителей) — термином *ἐπιφροδοτάχης*. О термине *διχοδοτάχης* (CIG, I, 1346) см. стр. 84.

² ILS, I, 1067: «legato divi Hadriani Athenis Thespiis Plataeis item in Thessalia», «легату божественного Адриана [в] Афинах. Теспиях. Платеях. [а] также в Фессалии»; позднее этот же самый Публий Пактумей Клемент был послан для «проверки бюджетов общин Сирии», «ad rationes civitatum Syriae putandas».

³ Таким должностным лицом был Тиберий Клавдий Каллипиан Италик (IG, II—III², 3, 1, 4215), которого Dittenberger (EE, I, 248) относит ко времени Севера и Антонина. Такую же должность, опять-таки при Северах, занимал Гней Клавдий Леонтик, «ἐπαγορευτῆς» (IG, VII, 91; Haussoullier, *Inscriptions de Delphes*, BCH, VI, 449, № 79; Καββαδίας, *Ἐπιγραφαὶ ἐκ τῶν ἐν Ἐπιδαύρῳ ἀνασκαφῶν*, EA, III, 1884, стр. 30, № 76) «[τῆς] Ἑλλάδος» (BCH, VI, 449, № 79) или «τῆς Ἀχαΐας» (EA, III, 30, № 76); датировка времени жизни Клавдия Леонтика определяется тем, что поставивший первую из названных надписей (в Мегарах; IG, VII, 91) Публий Геренний Гролемей был отцом историка Дексилла. Ту же должность, что Клавдий Леонтик, занимал и Эгнатий Прокул, корректор общин Ахайи (CIG, I, 1341); и этот корректор происходил из сенаторского сословия; время его жизни невозможно

Однако наряду с ними имелись кураторы и в отдельных городах, даже в таких сравнительно небольших, как беотийская Херонея; в III в. эти должности были открыты и для представителей местной муниципальной знати¹. Таким образом, многие ахейские города находились под двойным надзором специально для этого назначенных императорских должностных лиц.

Одним из методов укрепления римского господства в провинциях было насаждение в них императорского культа, причем формы его на Востоке и на Западе империи были различны. Императорский культ в Ахайе (ср. А. Б. Ранович, ВП, 223 слл.) по характеру своему напоминал императорский культ в других восточных провинциях. Воздавание божеских почестей смертному при жизни его не было для эллинов совершенной новизной: еще на рубеже V и IV вв. до н. э. малоазийские олигархи установили культ Лисандра, в дальнейшем божеские почести воздавались в Элладе Александру и эллинистическим царям, Фламинину и римским проконсулам. Теперь божеские почести воздавались не только императорам, но и членам их семей; по надписям и монетам известно, например, что во времена Тиберия культ воздавался его сыну Друсу, Германику и другим представителям императорского дома². При этом раз установленный культ уже не уничтожался без особых к тому причин и мог существовать на протяжении весьма долгого времени: так, жрецы Нерона Клавдия Друса, умершего в 9 г. до н. э. упоминаются в надписях еще во времена Адриана³. Применение имени бога к императору и к другим членам императорского дома обычно в греческой эпитафике⁴. Весьма большой интерес представляет торжественная фразеология афинского декрета о провозглашении Августом Публия Септимия Геты (IG, II—III², 1, 2, 1077): «священнейший и совершеннейший из всех [д]ней», «благодаря бессмертному единомыслию священным басилеев», «[они своим] небесным постановлением и решением привл[екли] к равному участию во власти императора [божественнейшего Императора Кесаря Публия Септимия Гету Пия Августа]» и т. д. В Афинах же в это время Юлия Домна была при жизни отождествлена с Афиной Полиадой и был установлен культ матери лагерей⁵. Организация императорского культа, как и везде, была связана с существовавшими в провинции городскими объединениями; как раньше союзы городов выбира-

определить с точностью, но, судя по тому, что большинство коллег Публия Меммия Пратолая носят praenomen и nomen Марка Аврелия, оно относится самое раннее к правлению императора Марка, вернее же падает на период после 212 г., когда в результате constitutio Antoniniana это сочетание широко распространилось по империи.

¹ IG, VII, 3426: беотарх и архиерей Августов Гней Куртий Дексипп — куратор (ἀρχιστράτηγος) общины херонейцев.

² См. Hertzberg, Die Geschichte Griechenlands unter der Herrschaft der Römer, II, 1868, стр. 16—21; А. Б. Ранович, ВП, 223, однако, неправ, когда он, ссылаясь на данное место Hertzberg'a, говорит о наличии культа Псевдо-Друса: речь идет лишь о той популярности, которую Псевдо-Друс снискал в Элладе и сопредельных ей областях.

³ Dittenberger, SIG³, II, 796, В, II. В книге А. Б. Рановича, ВП, 223, ссылка дана неверно. Легко представить, каких значительных расходов требовал императорский культ, например, во времена Антонинов, и, хотя эти расходы покрывались в значительной мере за счет частных эвергесий, тем не менее, в целом императорский культ ложился тяжелым бременем на финансы провинциальных городов.

⁴ Например, некоего Басса метрическая эпиграфическая надпись прославляет как «θεῶν βασιλέων ἀεικταῖος» (SIG, I, 1167), подразумевая под θεοί каких-то Августов, по всей вероятности, Марка Аврелия и Луция Вера.

⁵ См. Oliver, Julia Domna as Athena Polias, «Athenian Studies presented to William Scott Ferguson», 1940, стр. 521—530. Латинскому термину mater castrorum соответствует греческий μήτηρ των στρατοπέδων.

ли своим покровителем какого-либо бога или героя, так теперь провинциальные объединения городов ставили себя под покровительство императора. Во главе императорского культа во всей провинции Ахайе стоял *ἀρχιερεὺς*, со времени Адриана называвшийся обыкновенно элладархом; должность его была обычно пожизненной¹. Императорский культ был средством выражения лояльности провинциального населения, в первую очередь, провинциальной аристократии, императорской власти.

Другим средством, которое еще лучше, нежели административный аппарат и императорский культ, способствовало укреплению римского влияния в Ахайе, было распространение римского гражданства². Римское гражданство вообще играло весьма большую роль в жизни эллинических провинций империи. О степени распространения его при отдельных императорах можно судить, хотя и не безусловно³, по родовым именам новых

¹ SIG, I, 1318=VA, II, 1,319: «Тиб[ерия] Кл[авдия] Сетида Келиана, пожизненного архиерея их [Августов] и элладарха»; надпись из Мессены, поставлена при императоре Антонине в честь Марка Аврелия Кесаря. Сама по себе эта надпись в сопоставлении с другими представляет немалый интерес для выяснения того, как римская администрация и местная внутренняя организация Ахайи переплетались между собой, поскольку если не одни и те же лица, то во всяком случае представители одних и тех же семей выступали и в качестве римских должностных лиц и в качестве руководителей местных провинциальных учреждений. Архиереем, упомянутым в этой надписи, был Тиберий Клавдий Сетида Келиан, брат уже упомянутого квестора Ахайи Тиберия Клавдия Фронтиня Никерата, с которым он вместе поставил Веру в 164 г. мессенскую надпись (см. выше, стр. 85). Этот Сетида Келиан происходил, по видимому, из смешанной эллино-римской семьи. По мужской линии он принадлежал, по всей вероятности, к римской сенаторской семье. Его отец Тиберий Клавдий Фронтин был консулом-суффектом (год неизвестен, CIL, X, 1, 1122—1123: в обоих случаях «Cl[audii] Frontini co[n]s[ul]i f[ilii]o[s]»); его брат Тиберий Клавдий Фронтин Никерат, *quaestor pro praetore* провинции Ахайи — курульным эдилом (CIL, X, 1, 1122: «a[edili] cur[uli]»); SIG, I, 1133: «ἀγοράνομον κουροῦλλον»; I, 1327: то же); оба брата (CIL, X, 1, 1122—1123) и сын Никерата Тиберий Клавдий Сетида Кетег Фронтин (X, 1, 1124) были патронами италийской колонии Абеллина (во всех трех случаях слова «patrono colonia», в разной степени сохранившиеся). Греческие *coognomina* Никерата и Сетиды Foucart (VA, Expl., I—II, стр. 159, к № 319) объясняет тем, что их мать была гречанка из Мессении, поскольку имя Сетида (Σαθίδα) было распространено именно здесь. В действительности, однако, уже дед упомянутых Сетиды и Никерата носил имя Сетиды. Тем не менее сомневаться в мессенском происхождении этой семьи с одной из сторон вряд ли возможно. Павсаний (IV, 32, 2) упоминает двух мессенцев с именем Этида, один из которых был несколько старше его («Αἰθίδα δὲ ἐμμετοῦ προσηγορίας ἕνεκα εὐρισκόν, ὑπομένει δὲ οὐδένασιν οὐκ ἴδοντες τιμὰν παρὰ Μεσσηνίων ὑπάρχουσιν ἀπὲ τῶν», «Этида же, как я видел, был старше меня, и так как он был не беден по [своему] состоянию, ему воздаются почести от мессенцев, как герою»), а другой был современником Деметрия, сына Филиппа. Возможно, что Αἰθίδας представляет собой испорченное Σαθίδας. С. П. Кондратьев в своем переводе Павсания (Павсаний, Описание Эллады, I, 1938, стр. 351) принимает форму «Сефид». Возможно, что первый из названных был родственником элладарха. Отождествлять их не представляется возможным, ибо хотя пожизненный архиерей и обладал такими средствами, что мог на свой счет организовать празднества в честь Марка Кесаря (SIG, I, 1318=VA, II, 1, 319: о Сетиде: «εἰσηγησάμενον καὶ τὰ ἀναλωμάτα παράσχοντος»), тем не менее он, несомненно, был современником императоров Антонина, Марка и Веры и, следовательно, современником Павсания, тогда как упоминаемый Павсанием был старше его. Мессенское происхождение семьи подтверждается также тем, что именно здесь были поставлены две из относящихся к ним надписей (CIL, III, 1, 495: «L[ucio] Aurelio Vero [A]u[gusto] Armeniac[o] ...Ti[berii] Cl[audii] Saethida Cae[]lianus et [Fr]ontinus Nice[r]atus», «Луцию Аврелию Веру [А]вгусту Арменнак[у]... Ти[берии] Кл[авдии] Сетида Келиан и [Фр]онтин Нике[рат]»; SIG, I, 1318=VA, II, 1, 319: вопреки утверждениям Fourmontus'a и Maius'a В о е с к h по показаниям грека Мильтиада считает, что эта надпись найдена в Мессене).

² О распространении римского гражданства в Ахайе ср. А. Б. Р а н о в и ч, ВП, 222 сл.

³ Перегрины, вступая в римское гражданство, принимали чаще всего имя правящего императора, становясь, таким образом, как бы его клиентами. Поэтому по рас-

граждан. Имена Нервы и Траяна — Кокцей и Ульпий — встречаются, пожалуй, реже чем Юлий, Клавдий, Флавий и Элий, что объясняется, вероятно, однако, не падением интенсивности в распространении римского гражданства, а продолжительностью правления тех или иных императоров¹. Ко времени Траяна восходит, например, гражданство сравнительно немногочисленных Ульпиев и Ульпианов (помимо юриста под этим именем известен схоласт Демосфена), ко времени Адриана и Антонина Пия относится гражданство довольно многочисленных Элиев (например, Элий Аристид из Азии; имя «Элий» встречается также в Ахайе и в ряде других провинций)². Самым распространенным именем среди римских граждан — уроженцев эллинского Востока — было, пожалуй, Аврелий, что объясняется, однако, не столько деятельностью первых императоров этого имени — Марка Аврелия и Коммода, — сколько тем, что это имя чрезвычайно широко распространилось по империи после эдикта Марка Аврелия Антонина, прозванного Каракаллой. Тем не менее, можно все же предполагать, что процесс распространения римского гражданства продолжался и во второй половине II в. с возрастающей интенсивностью. Распространение римского гражданства на эллинском Востоке означало для эллинской муниципальной знати. — а римским гражданством в подавляющем большинстве наделялись именно представители муниципальной знати провинций, — открытие доступа к участию в управлении огромной распространившейся по всему Средиземноморью империей. Наделенные римским гражданством представители эллинской знати быстро начинали подниматься по общественной лестнице³. Представители мессенского рода Сетид Тиберий Клавдий Сетида Келиан и Тиберий Клавдий Фронтин Никерат были одним — элладархом, а другой — квестором провинции Ахайи (SIG, I, 1133; 1318; 1327; CIL, X, 1, 1122). Арриан, происходивший из Никомедии и натурализовавшийся в Афинах, был и афинским архонтом и легатом Каппадокии. Плутарх, занимавший на родине ряд почетных должностей и бывший, между прочим, жрецом в Дельфах, под конец жизни стал императорским прокуратором; Лукиан также под конец жизни поступил на императорскую службу. Римскими сенаторами были уроженцы и других областей Ахайи (например, Лаконики), а также ряда других провинций.

В Ахайе римское гражданство было довольно значительно распро-

пространению тех или иных родовых имен можно, в известной мере, судить о степени интенсивности распространения римского гражданства при том или ином императоре. Этот метод, однако, далеко не безупречен потому, что наряду с императорскими встречаются, и притом довольно часто, другие родовые имена (Геренний, Понцилий, Авидий, Вибуллий, Кассий и т. д.). Имена эти принимались по разным причинам: так, например, Плутарх в честь своего друга стал называться Местрием.

¹ Имя Юлий можно было получить примерно в 58 г. до н. э. — 41 г. н. э. (причисляя сюда время Юлия Цезаря с начала его галльского проконсульства, не говоря уже о более ранних случаях наделения римским гражданством) — 98 лет, имя Клавдий — в 41—68 гг. — 27 лет, имя Флавий — в 69—96 гг. — 27 лет, имя Кокцей — в 96—98 гг. — 2 года, имя Ульпий — в 98—117 гг. — 19 лет, имя Элий — в 117—161 гг. — 44 года. Этот расчет показывает, почему nomina Юлий, Клавдий, Флавий и Элий распространены гораздо чаще, чем Кокцей и Ульпий.

² Однако, с другой стороны, необходимо отметить, что, например, вифинская семья, к которой принадлежали ритор Дион Коккеан, прозванный Хрисостомом, и историк Кассий Дион Коккеан, получила римское гражданство еще при деде Диона Хрисостома, т. е. задолго до Нервы.

³ Например, IG, XIV, 1389=EG, 1046=CIG, III, 6280, 23—26; IG, XIV, 1392; G e l l., NA, I, 1; IX, 2, 1; XIX, 12, 1; P h i l., VS, II, 1, 1; 19; S o p., Prol. Ar.; S u i d., s. v. Ἠρωδης; L i e b e n a m, Fasti consulares imperii Romani von 30 v. Chr. bis 565 n. Chr. mit Kaiserliste und Anhang, KTThPhVUE, 41—43, 1909, стр. 25. В надписи CIA, III, 1, 675=IG, II—III², 3, 1, 3603, теперь читается не «βλατι[κων]», а «[Ἰππάρχων]». См. обо всем этом О. В. Кудрявцев, ВДИ, 1951, № 3 (37), стр. 60—62.

странено среди местной аристократии, но только среди аристократии¹. Римское гражданство распространяется по всем городам провинции. Почти в каждом полисе высший слой аристократии принадлежит к римскому гражданству. Людей с римскими родовыми именами можно встретить и в Спарте², и в Мессене³, и в Херонее⁴. Делаясь римскими гражданами, эллины обычно принимали родовое имя правящего императора и становились Юлиями (например, IG, II—III², 3, 1, 3616; 3813; D i t t., IG, II—III², 3, 1, 3609; EA, III, 1883, стр. 87, № 21), Клавдиями (например, IG, II—III², 2, 2776; 3, 1, 4088; AZ, XXXVII, 136, № 266; BCH, VI, 436; D a y, Hist., 289; ср. стр. 90), Флавиями (например, IG, II—III², 2, 2776; VII, 3423; «Hesp.», II, 505—511; Day, Hist., 261), Элиями, а со времени императора Марка и особенно после конституции 212 г. — Аврелиями. Встречались, однако и другие родовые имена: Местрий (IG, VII, 3423), Геренний (VII, 91), Меммий (SIG³, II, 872), Статилий (II, 796 A, B, 7—15), Вибуллий и т. д. Так с течением времени муниципальная знать ахейских городов из эллинов превращалась в «ромеев». Некоторые из ее представителей шли еще дальше, достигали сенаторского сословия и высших римских магистратур (например, G e l l., NA, I, 2, 1).

Распространение римского гражданства способствовало на первых порах углублению социальной дифференциации: охватывая прежде всего наиболее состоятельные слои общества, оно углубляло пропасть между ними и остальным народом, ставя их в отличное от всего населения полиса привилегированное положение; римское правительство разрушало старые сословные различия, но оно воздвигало на их место новые. Это противоречие между римскими гражданами и негражданами внутри отдельных полисов, причем римские граждане начинают представлять определенную социальную силу благодаря своей близости к администрации, начинают, например, концентрировать землю в своих руках — процесс, который можно наблюдать на примере Афин, — продолжается вплоть до эдикта Каракаллы, т. е. до начала III в. н. э., когда староримское различие между римскими гражданами, латинами и перегринами полностью отмирает и на смену ему, как во всей империи, так, в частности, и на эллинском Востоке приходит новое — различие между «более почетными» и «низшими». Углубление социальной розни в провинциях было до известной степени сознательной целью правительства при распространении римского гражданства. Правительство стремилось создать себе социальную базу в провинциях, выделяя верхние слои в особое привилегированное сословие и притвояоставляя их, таким образом, остальной массе эксплуатируемых провинциалов. Те же цели преследовались при наделении привилегиями целых городов; то обстоятельство, что города отдельных провинций имели различный правовой статус — колонии (в Ахαιе, например, Коринф), муниципии, civitates foederatae (Афины), civitates liberae et immunes (ряд ахейских городов), наконец, города, населенные

¹ О распространении римского гражданства в Афинах см., например, IG, II—III², 2, 2776; 3, 1, 3616; 3813; 4088; VII, 91; BCH, VI, 436; P h i l., VS, II, 1, 25; D i t t e n b e r g e r, IG, II—III², 3, 1, 3609; «Hesp.», II, 1933, стр. 505—511; D a y, Hist., 239, 261; см. об этом О. В. Кудрявцев, ВДИ, 1951, № 3 (37), стр. 60—61.

² Например, род Гая Юлия Эвриклеса. Надписи, поставленные афинянами в честь его и его сына Гая Юлия Дексимаха: CIA, III, 1, 801 а—б. Надпись Гая Юлия Спартятика, сына Гая Юлия Лакона, внука Гая Юлия Эвриклеса: Κ α β β ε δ ι α ς, Ἐπιγραφὰὶ ἐκ τῶν Ἐπιδαυρίας ἀνασκαφῶν, EA, III, 1883, стр. 87, № 21.

³ Римским гражданством здесь обладал, например, род Сетид (см. например, SIG, I, 1318=VA, II, 1, 319; см. стр. 90).

⁴ В частности, род Плутарха. См. надпись в честь его сына Луция Местрия Автоула, IG, VII, 3423.

подданными и платящие дань, — затрудняло их объединение и пресекало возможность каких-либо коллективных выступлений против Рима. Здесь, как и в других случаях, Рим действовал согласно своему обычному принципу: *divide et impera*. Различное положение городов как в Ахайе, так и в ряде других провинций восходило еще ко времени республики, когда подобная политика была необходимым залогом поддержания римского владычества в завоеванных областях; она сохранялась по традиции и в период империи, хотя, разумеется, возможность восстаний с целью отделения была в это время в таких старых провинциях, как Ахайя или Македония, совершенно нереальной.

Постепенное уравнение Эллады с другими областями империи являлось идеальной целью римской политики (ср. А. Б. Ранович, VII, 225 сл.). Превращение эллинов в «ромеев» было одним из важнейших шагов на пути к слиянию в одно целое господствующего класса рабовладельцев и, в первую очередь, его верхнего слоя по всей империи. Широкое распространение среди местной знати — но только среди нее — римского гражданства и привлечение ее представителей в сенаторское и всадническое сословия помогало римскому правительству готовить кадры администраторов для эллинского Востока; Ахайя со старой полисной цивилизацией была для этого особенно удобна.

Римское правительство стремилось прочнее связать Элладу с империей при помощи ряда экономических мероприятий: так, некоторые отрасли производства, например, каменоломни, были монополией правительства. Римская чеканка побеждает в Элладе местную чеканку эллинских городов и, если в I в. до н. э. эллины еще пытались отстоять свою валюту против победоносного внедрения римской (SIG³, II, 729), то в период империи местная монета сильно обесценивается по сравнению с общеимперской. Даже в области культуры заметны элементы романизации, например, употребление в греческих надписях римского календаря¹.

Эксплуатируя Элладу наряду с другими провинциями империи, императорское правительство, однако, постоянно оказывало ей особое внимание. Это внимание выражалось прежде всего в заботах о строительстве в ахейских городах и в традиционном уважении, которое императоры оказывали древней метрополии античной цивилизации. Покровительство Элладе и филэллинизм были постоянными элементами политики многих императоров, которые старались разными способами показывать свое уважение к эллинской культуре. Не только Нерон, но и Тиберий (правда, еще ранее достижения им императорской власти) были провозглашены победителями на Олимпийских играх (SIG³, II, 782). Императоры Адриан (II, 836) и Антонин Пий (II, 848) были архонтами в Дельфах, первый даже два раза. Коммод вступил в род Эвмолпидов (II, 873). Марк Аврелий посвящается в элевсинские мистерии; императоры принимают на себя почетные должности в наиболее значительных городах эллинистического Востока: так, например, Домитиан (IG, III¹, 1, 1091) и Адриан (Phleg., de mir., фр. 54) становятся афинскими архонтами, Адриан, кроме того, — гимнасиархом в Афинах (SIG³, II, 872) и т. д. Города Ахайи отвечали императорам и другим членам императорского дома, как и остальным своим эвергетам, почетными декретами, статуями и т. д.² Все

¹ Например, Radet, Paris, Inscriptions d'Amorgos, BCH, XV, 1891, стр. 573—574.

² В качестве образца надписей в честь лиц императорского дома см., например, надписи, поставленные Геродом Аттиком в честь детей Марка Аврелия в Олимпии: Dittenberger, Inschriften aus Olympia, AZ, XXXV, 102, №№ 71—72; XXXVI, 103, к №№ 71—72.

императоры Антонины на протяжении своей жизни хотя бы раз посетили Ахайю. Если для Антонина Пия это представляется весьма вероятным¹, то для всех других Антонинов II в. (т. е. если не принимать во внимание императоров из династии Северов, принимавших это имя) это известно вполне определенно. Императоры Вер и Марк посетили Ахайю, один в 60 гг. II в. во время поездки на войну с парфянами (SHA, Ver., 6, 9), другой — в 70 гг. II в. во время своего путешествия на Восток после подавления восстания Авидия Кассия (Phil., VS, II, 10, 7). Коммод был в Ахайе вместе со своим отцом². Кроме императоров, посещали Ахайю и другие лица императорского дома. Эта провинция и особенно ее острова служили нередко местом почетной ссылки или изгнания: в Ахайе жила, например, при Коммоде родственница Марка Анния Фундания Фаустина, убитая Коммодом в конце его правления (SHA, Com. II, 7, 7).

Эллада пользовалась уважением и вниманием и со стороны римской аристократии и со стороны аристократии других провинций. Вся Эллада в целом и особенно Афины считались обиталищем наук, и сюда съезжались учиться знатные эллины и римляне из других провинций и из Италии (Gell., NA, I, 2, 1). Эллада была излюбленным местом для богатых туристов, и эти путешествия помогали местному населению сводить концы с концами. В период империи происходил процесс культурной ассимиляции Греции и Рима, и Эллада, как древнейшая метрополия этой единой греко-римской культуры, была, наряду с Италией, культурным центром империи.

Действительно, рост эллинского влияния на Западе и римского на Востоке приводил к тому, что происходило все более и более прочное слияние эллинистической и римской культуры в единую античную культуру; никогда эллинистическая и римская культура не сближались так тесно, как в период империи. Это сближение выражается, например, в том, что писатели, безразлично, из романской или эллинистической половины империи, начинают в равной мере пользоваться обоими языками, причем выбор языка часто определяется не происхождением автора, а спецификой предмета, о котором он пишет: Фронтон из Цирты в Мавретании наряду с рядом латинских произведений оставляет сборник греческих писем, император Марк, происходивший из Испании и воспитывавшийся в Риме, предпочитает для своих философских рассуждений греческий язык латинскому, а два века спустя эллин из Антиохии Аммиан Марцеллин пишет по-латыни свои «Деяния», представляющие собой продолжение «Историй» Тацита. В императорской канцелярии латинский и греческий языки занимают почти равное положение. Выбор литературного языка определяется теперь главным образом спецификой предмета: латинский язык является в этот период языком военного дела, права (вплоть до Юстиниана и даже позже, поскольку составленные в его время латинские законодательные сборники легли в основу византийского права), отчасти историографии, красноречия и некоторых других литературных жанров; напротив, греческий язык, разделяя с латинским сферу историографии и реторики, получает почти исключительное преобладание в области философской³ и религиозной литературы и уступает ла-

¹ Будущий император Антонин, по всей вероятности, посетил Ахайю во время поездки своей в Азию, где он был проконсулом в конце правления Адриана.

² SHA, Com. II, 2, 3. Прямо о пребывании Коммода в Ахайе не говорится, но, поскольку он всюду ездил со своим отцом, он должен был проспать и через Ахайю.

³ Характерно, что попытки Цицерона и Сенеки создать латинскую философскую терминологию и философскую литературу остаются в этот период почти без подражателей и наследник Сенеки Марк Аврелий возвращается к греческому языку.

тинскому в области военного дела и права, хотя и не безусловно¹. Культурное наследие, исторические воспоминания становятся все более и более общими у эллинов и у римлян. Если еще во времена республики римляне были допущены к олимпийским состязаниям, которые строго ограждались от «варваров», то теперь эллинические культы, эллинические общественные установления, эллинское прошлое становятся в такой же мере достоянием римлян, как и эллинов. Латинские авторы дают собственные обработки эллинской истории и мифологии: таковы Корнелий Непот, живший на рубеже республики и империи, Помпей Трог, его эпитоматор Юстин, Гигин и некоторые другие. Напротив, римское прошлое и римские древние установления вызывают такой же интерес среди эллинов, из которых многие, продолжая оставаться эллинами, становятся вместе с тем ромеями, римскими всадниками, сенаторами, патрициями, магистратами, наместниками провинций, командирами легионов и т. д. Греческая историография римской истории, поскольку это касается авторов периода ранней империи, едва ли не превосходит латинскую и по объему и даже отчасти по значению. VI в. до н. э. римскую историю включают в свои всемирные истории Диодор Сицилийский и Николай Дамасский, раннюю историю Рима обрабатывает Дионисий Галикарнасский, в I в. н. э. и в начале II в. изысканиями в области римских древностей занимается Плутарх Херонейский, который составляет, кроме того (раньше Светония), серию биографий римских императоров (сохранились лишь биографии Гальбы и Отона), а в своих «Параллельных жизнеописаниях» дает как бы внешне выраженные того синтеза эллинской (эллинистической) культуры Востока и латинской культуры Запада, который происходит в это время; во II в. общую историю Рима пишет Аппиан Александрийский, в III в. — Асийн Квадрат и Кассий Дион из Никей. Элий Аристид восхваляет Рим, превративший в единый полис всю ойкумену. Это слияние эллинистической и римской культуры происходило и само собой в силу социальных процессов, превращавших державу римского народа в средиземноморскую империю, и отчасти искусственно, поскольку императорская власть стремилась таким образом способствовать укреплению своей социальной базы.

Действительно, для империи, представлявшей собой «...гигантскую сложную машину... для высасывания соков из подданных»², было крайне важно найти точку опоры среди массы угнетаемого населения. Такой точкой опоры и была местная аристократия и на Востоке прежде всего эллинская аристократия, как представительница древней рабовладельческой культуры и носительница древних традиций. Распространение рабовладельческих полисов в их эллинской или латинской форме, с одной стороны, распространение греческого и латинского языков и синкретической греко-латинской культуры, с другой, были наиболее существенными чертами процессов романизации и эллинизации. Императорское правительство всегда покровительствовало античной культуре, противопоставляя ее «варварству» первобытных народов, древним, но чуждым античности, культурам Востока и новым идеологическим течениям, которые, зародив-

¹ Так, например, ко II—III вв. относится ряд греческих трактатов по военному искусству: *Ἐπιτάξις κατ' Ἀλαγῶν* Арриапа, «Полиоркетика» Аполлодора, посвященная Адриану, компиляция Атеней «Младшего» и т. д. Для того, чтобы представить себе сравнительную важность латинского и греческого языков в области права, достаточно перелистать «Дигесты», составленные в основном из произведений юристов II—IV вв., и посмотреть, какое место занимают греческие цитаты, иногда довольно обширные, в сплошном латинском тексте. Хотя большинство юристов II—III вв. были уроженцами Востока, они все же писали по-латыни.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Л. Г. Моргана, 1951, стр. 153.

лись в тех же восточных провинциях под плотной корой эллинизма, распространялись отсюда по империи. Эллинизм был силой, которая связывала Рим с восточной частью империи. Ввиду всего этого императорское правительство не могло не обращать внимания на провинцию, которая была древней метрополией покровительствуемой им культуры. В этом отношении особенно значительна была деятельность Адриана, пытавшегося превратить Афины, центр создаваемой им панэллинской организации, во второй фокус империи. И хотя Ахайя по своему культурному значению в некоторых отношениях уступала таким провинциям, как Азия, Сирия или Египет (с Александрией), именно здесь были созданы кафедры философии и реторики, которые сделались образовательным центром всего античного мира, просуществовавшим вплоть до Юстиниана. Афины и в конце республики, и в период империи продолжали оставаться «обиталищем наук» (Cic., de or., III, II), куда стекались со всех концов империи лица, желавшие получить высшее образование.

Местные межполисные политические организации¹, восходившие своими формами еще к доримским временам, в корне изменили свое назначение и функции: они были поставлены теперь на службу интересам римского правительства (см. А. Б. Ранович, ВП, 222 сл.). Отдельные местные объединения, хорошо известные по надписям времени империи, можно проследить и в период республики. Когда у Цицерона (Ort., XXVII, 26; XXXII, 43; XXXVII, 16) при перечислении отдельных эллинских государств наряду с Афинами и Спартой упоминаются Ахайя, Беотия и Фессалия, то речь идет, без сомнения, об Ахейском, Беотийском и Фессалийском союзах, возникших задолго до римского завоевания (ср. SIG³, II, 796a; IG, VII, 2711). Эти союзы продолжали существовать и в период империи. Местные союзы городов охватывали по большей части каждый одну из областей, на которые издревле делилась Эллада, и лишь изредка больше. Известны союзы ахейцев, беотийцев, фокейцев, локров, дорян (SIG³, II, 796a; IG, VII, 2711). Союз аркадцев существовал еще при Каракалле (SIG³, II, 882) и т. д. Наиболее значительным из перечисленных союзов и вместе с тем единственным, выходящим за пределы одной области, был Ахейский союз с центром в Аргосе, обнимавший ряд городов Пелопоннеса². Эти местные объединения имели преимущественно религиозные функции, в частности, руководили отпращиванием императорского культа, однако вместе с тем за ними сохранились и некоторые гражданские полномочия, в силу которых они в известных границах могли заведывать местными делами. Так, во времени Тиберия относится тяжба между двумя фессалийскими общинами (Фессалия входила в то время в состав провинции Ахайи), разбиравшаяся на синедрионе в Лариссе, состоявшем из 324 членов (VA, II, 1, 1189). Другой пример сохранения местными союзами гражданской юрисдикции, опять-таки применительно к Фессалийскому союзу, относится ко времени Адриана (Dig., V, 1, 37). Местные союзы городов соединялись в более значительные объединения, охватывавшие уже всю провинцию. Так, повидимому, во времена Тиберия после перевода Ахайи в число императорских провинций и получения рядом ахейских городов «свободы» ахейцы, беотийцы, фокейцы, эвбейцы, локры и доряне объединились в единый Панахейский союз, грамматеем которого одно время был Тит Статилий Тимократ; это объединение упоминается в надписи, относящейся к 30—40 гг. I в.

¹ Общую характеристику эллинских *κοινὰ* см. Fougerèrre, *Koinon* (*κοινόν*), DS, III, 1, 1899, стр. 832—851.

² В качестве образца надписей, которые ставило *κοινόν* ахейцев, см. надпись из Мессены, воздвигнутую в честь провозглашения Марка Анния Вера, будущего императора Марка, Кесарем (CIG, I, 1318=VA, II, 1, 319=IG, V, 1, 1451).

н. э., от последних лет Тиберия до начала правления Клавдия (SIG³, II, 796a). В другой надписи упоминается то же объединение без дорян (IG, VII, 2711). Этот Панахейский союз вряд ли, однако, представлял собой общеахейскую провинциальную лигу и не был, таким образом, тождествен с союзом эллинов, как называлась общепровинциальная лига провинции Ахайи, аналогичная по своему значению общепровинциальным лигам других эллинистических провинций римского Востока. Наряду с этим продолжали существовать и старые религиозные объединения городов, примером которых может служить общий синедрион эллинов, сходящихся в Платеи, учрежденный в память победы над персами. Поэтому союз эллинов¹ не следует путать с общим синедрионом эллинов, сходящихся в Платеи²; первая организация представляла собой общепровинциальное объединение городов Ахайи, тогда как вторая имела чисто религиозный характер и восходила по своему происхождению к V в. до н. э.

На базе общеахейского союза эллинов, а также старых религиозных объединений типа платейского Адриан создал панэллинскую организацию³, центром которой была Эллада; здесь в Афинах заседал обычно панэллинский синедрион⁴. Поклонник эллинской культуры и эллинского искусства, проведший значительную часть своего правления в восточных провинциях, желавший казаться более греком, чем римлянином, первый среди императоров отпустивший бороду по греческому образцу, Адриан попытался вдохнуть новую жизнь в дряхлое тело эллинизма и на основе лиги эллинов, охватывавшей только провинцию Ахайю, объединить всех эллинов, где бы они ни жили на территории империи, в одну панэллинскую лигу, центр которой также должен был находиться в Ахайе⁵. Это объединение панэллинов было совершенно новым типом организации, не похожим на существовавшие уже там и сям в эллинском мире местные объединения городов, не выходившие за пределы одной провинции⁶.

¹ По-гречески κοινόν τῶν Ἑλλήνων.

² По-гречески κοινόν συνέδριον τῶν Ἑλλήνων τῶν εἰς Πλαταιάς συνιόντων. Образцы надписей, воздвигнутых платейским объединением во II в., см. SIG³, II, 835: «Αὐτοκράτορι Ἀδριανῷ σωτήρι, βυσσάμενῳ καὶ θρέψαντι τὴν ἑαυτοῦ Ἑλλάδα οἱ εἰς Πλαταιάς συνιόντες Ἕλληνας χαριστήριον ἀνεθήκαν», «Императору Адриану спасителю, защитившему и вскормившему свою Элладу, эллины, сходящиеся в Платеи, воздвигли благодарственное посвящение»; IG, VII—2509=SIG, II², 393: «τὸ κοινόν συνέδριον τῶν Ἑλλήνων τῶν εἰς Πλαταιάς συνιόντων».

³ См. о ней А. Б. Ранович, ВП, 224 слл.; Weber, Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Hadrianus, 1907, стр. 271 слл.; Fougères, DS, III, 1, 849. В организационном отношении κοινόν τῶν Πανελλήνων было во многом обязано существовавшим ранее объединениям городов, в частности, синедриону эллинов, сходящихся в Платеи.

⁴ Термин συνέδριον, применявшийся первоначально только к международным в античном смысле этого слова организациям, т. е. к разного рода объединениям полисов и к высшим органам подобных объединений, постепенно расширяется в своем значении. Если раньше этот термин применялся к собранью амфикионов, к союзному совету эллинов в Платеях, к верховным органам Беотийского и Этолийского союзов, то теперь он начинает кроме того применяться и к городским советам и, сохраняя свои прежние значения, становится вместе с тем синонимом слова βουλή; слова συνεδρεύοντες и βουλαίοι имеют в таком случае одинаковое значение; подобное значение, можно предполагать, имеет термин συνεδρεύοντες в IG, II—III², 3, 1, 3194, стк. 4: «Ἰούρχ[ος ὁ στρατηγός] [?] μ[ετ]ὰ τῶν συνεδρεύόντων[υ] ἀνέγ[υ]νο[σαν] ?!», «Юнк[стратер], с членам[и] синедриона проч[и]т[али?]». Возможно, что здесь подразумеваются члены афинской буле.

⁵ Сам Адриан выступал в качестве бога-покровителя панэллинской лиги; Dio, LXIX, 16, 2: «τὸν τε σῆκον τὸν ἑαυτοῦ, τὸ Πανελλήνιον ὀνομασμένον, οἰκοδομήσασθαι τοῖς Ἑλλήσιν ἐπέτρεψε, καὶ ἀγῶνα ἐπ' αὐτῷ κατεστήσατο, χρήματα τε πολλὰ καὶ σίτον ἐτήσιον τῆν τε Κεφαλληνίαν ὅλην τοῖς Ἀθηναίοις ἐχαρίσατο», «и святилище себе, названное Панэллинием, воздвигнуть эллинам поручил и агон при нем учредил и даровал афинянам много денег, годичный запас хлеба и всю Кефаллению».

⁶ Weber, Hadrian, SAN, XI, 320.

В отличие от них панэллинская лига не имела даже тех сравнительно скудных гражданских функций, которыми обладали они; панэллинская лига в представлении Адриана и его единомышленников имела цель организационно закрепить идеальную связь, которая, по их мысли, должна была существовать между эллинами во всем мире¹. Романтический филэллизм и практические потребности империи смешивались в деятельности Адриана в одно целое: панэллинская лига была в его глазах средством укрепить единство государства; Римская империя и эллинское объединение, взаимно проникая друг друга, должны были прочно объединить античный мир — единственный цивилизованный с точки зрения античного человека — перед лицом «варварских» народов, которые угрожали империи и изнутри и извне. Римское правительство стремилось увековечить пришедший в упадок социально-политический строй и дряхлую культуру эллинизма, и потому острее его политики направлялось против народов Востока, стремившихся сбросить с себя гнет чуждой античной цивилизации². Если вспомнить, что лишь недавно кончилась большая война с Парфией, а внутри империи на протяжении трех лет пылало восстание Бар-Кохбы, то эта задача не могла не быть очень актуальной с точки зрения античного государственного деятеля. Вновь, казалось, вернулось время Мидийских войн, когда соединенная Эллада отстаивала свою независимость против варварских полчищ, как об этом повествовалось в идеализированном виде в биографиях Плутарха. Однако под именем Дия Элевтерия, культ которого был утвержден в Афинах и Платеях после борьбы с персами, теперь почитается не незримый владыка вселенной, восседающий на вершине Олимпа, а земной повелитель римского мира. И позднее парфянская война Луция Вера, во время которой римские войска сожгли Селевкию на Тигре, рассматривалась как защита панэллинства против «персов»³.

Таким образом, инициатором панэллинского движения была римская власть, которая этим путем стремилась укрепить свое положение в восточной половине империи, протягивая руку муниципальной знати эллинских городов и помогая ей создать общеимперскую организацию. Эллинская знать ответила на призыв римского правительства и не осталась «неблагодарной». Эллистские писатели прославляют империю, давшую «мир и спокойствие всем народам». По словам азиатского ретора Элия Аристила, Рим дал общие законы всем и даже новые дары: все живут в одном

¹ На документов, характеризующих деятельность панэллинской лиги, см. хотя бы постановление (между 138 и 161 гг.) о приеме в нее Магнесии на Меандре, в котором подчеркивается, что магнетцы являются первыми из эллинов, переселившимися в Азию (IG, II—III², 1, 2, 1091: «[ψήρις]μα τὸ γενομένον ὑπὸ τῶν Πανελλήνων», «[исефис]ма, постановленная панэллинами»: важнейшую часть ее текста см. ниже.

² Weber, UGKH., 274; он же, «Handelingen van den XIII Nederlandse Filologencongress», 1913, стр. 42 слл.; он же, Trajan und Hadrian, MP, I, 1923, стр. 268 слл., особенно 271; Vogt, Die alexandrinischen Münzen: Grundlegung einer alexandrischen Kaisergeschichte, I, 1924, стр. 103 слл.

³ Этот воинствующий характер панэллинства подчеркивается, в частности, и в постановлении о приеме в союз азиатских магнетов (IG, II—III², 1, 2, 1091; см. выше), где говорится о былых военных заслугах магнетов перед эллинизмом («[ἐπειδὴ Μάγνητες οἱ] πρὸς τῇ Μαιανδρῷ ποταμῷ ἀποικοῖ [όντες Μάγνητων] τῶν ἐν Θεσσαλίᾳ, πρῶτοι Ἑλλήνων [διαβάντες εἰς τὴν Ἀσίαν καὶ κατοικήσαντες, συναγωνισμένοι δὲ] πολλὰκις Ὑἱοσι καὶ Δωριεῦσι καὶ τοῖς ἐκ τοῦ αὐτοῦ γένους Αἰολεῦσι, τιμηθέντες καὶ ὑπὸ τοῦ δήμου τοῦ Φωκαίων δι' ἃς ἐποιήσαντο συμμαχίας πρὸς αὐτὸν...»), «[поскольку магнетцы, что] у реки Меандра, [являющиеся] колонистами [магнетов], что в Фессалии, первые [из] эллинов [перешедшие в] Азию и населившие [ее и] сражавшиеся часто вместе с иониянами, дорянами и происходящими и[з] того же и[з] племени эолиянами, почтенные также [народом ри]мляни за военную [помощь], которую [они ему] оказали...»).

доме, как члены одной семьи (см. Web., САН, XI, 316). Панэллинизм вызвал всеобщее движение в эллинском мире; он способствовал росту самосознания провинциальной знати и усилил стремление участвовать в управлении; соответственно этому как раз в середине II в. при Адриане и Антонине происходит значительный приток жителей восточных провинций в сенат.

Особенно сильно панэллинистское движение было в Ахайе и Азии. Ахайя, которая, по мысли Адриана, должна была стать центром панэллинистской организации, не могла не быть затронутой этим последним подъемом эллинского самосознания. В Афинах Герод Аттик устраивает на свой счет панэллинистские состязания¹, в Азии с панэллинизмом приходится иметь дело будущему императору Антонину, который был проконсулом этой провинции в 134—135 гг. Филострат описывает его столкновение с важным ретором Полемоном, который, будучи преисполнен своего эллинского величия, выгнал из своего дома римского проконсула, остановившегося у него на ночь (Phil., VS, I, 25, 7). Антонину нужно было выбрать между сочувствием движению и равнодушием к нему, и он, как верный ученик Адриана, остановился на первом.

Панэллинистское движение продолжается и в правление Антонина. Нарастающая волна архаизма, который был идеологическим отражением стремления греко-римской рабовладельческой аристократии увековечить существующий социальный строй, начавший клониться к упадку, всеобщее увлечение прошлым, соответственно Эллады или Рима, дают панэллинизму новый импульс. Помимо прочих торжественных титулов, которые давались Антонину, последний выступал в качестве защитника эллинизма.

Однако панэллинистское движение не было долговечным: и политический панэллинизм, и «эллинское возрождение» в области культуры приходят в упадок к концу правления Антонина. На монетах Марка уже нет и следов панэллинистской идеи, мало указаний на римские мифы. При Марке у императорского правительства возникли более существенные задачи, поставленные наступлением «варварских» народов на империю, и панэллинизм, лишенный искусственной поддержки, стал клониться к упадку. Тем не менее формально панэллинистская организация продолжала существовать и долго спустя после Марка.

¹ Phil., VS, II, 1, 7: «καὶ μὴν καὶ ἐλειτούργησεν Ἀθηναίους τὴν τ' ἐπένομον καὶ τὴν τῶν Πανελληνίων», «и организовал для афинян на свой счет и сонменный [им праздник] и праздник панэллинистских [игр]».